

ежеквартальный
научно-образовательный
методический журнал

№ 1, 2003

МИР КУЛЬТУРЫ

Lewis Carroll
The Hunting Of The Snark
Охота на Снарка
an agony in eight fits

Перевод В.Фета.
Рисунки О.Людвиг.

Fit the First
Напасть первая
The Landing
Приземление

«Здесь мы Снарка отыщем!» — так **Боцман** изрек
И команду свою перенес
Через пенный прибой на прибрежный песок,
Ухвативши за пряди волос.

«Здесь мы Снарка отыщем! — он дважды сказал, —
Повторяю еще раз теперь:
Здесь мы Снарка отыщем, и я не солгал,
Что я трижды скажу, тому верь!»

Экипаж был отличный на первый же взгляд:
Был там **Брючник** и был **Брадобрей**,
Важный **Барристер**, нанятый как адвокат,
Бакалавр из ученых людей;

Банкомет, увлеченный азартной игрой, —
Он выигрывать мог несомненно,
Но **Банкир** подрядился смотреть за казной
(Это встало в изрядную цену).

Там был так же **Бобер**, он на спицах вязал
Или просто дремал на тюках;
Он порою от гибели судно спасал,
Хоть и было неведомо, как.

Предпоследний, на палубу эту взойдя,
Не забыл в экспедицию взять
Позабыл в экспедицию взять
His umbrella, his watch, all his jewels and rings,
Не один только зонтик на случай дождя,
And the clothes he had bought for the trip.
Но и всю надлежащую кладь.

He had forty-two boxes, all carefully packed,
Сорок два чемодана довольно больших,
With his name painted clearly on each:
Снаряжение его составляли;
But, since he omitted to mention the fact,
Он велел написать свое имя на них —
They were all left behind on the beach.
И оставил их все на причале.

The loss of his clothes hardly mattered, because
И печальней всего было в этом не то,
He had seven coats on when he came,
Что одежду оставил он с ними, —
With three pair of boots — but the worst of it was,
Не забыл натянуть он четыре пальто, —
He had wholly forgotten his name.
Но, к несчастью, забыл свое имя!

He would answer to «Hi!» or to any loud cry,
Начал он откликаться на возглас любой:
Such as «Fry me!» or «Fritter my wig!»
На «Привет!», на «Чего ж ты стоишь?»,
To «What you may call um!» or «What was his name!»
На «Ты, что ли, оголох?», «Чтоб тебя!», «Чтоб ты сдох!»,
But especially «Thing-um-a-jig!»
В основном же на «Как тебя, бишь?»

While, for those who preferred a more forcible word,
Откликался он им на десятки имен
He had different names from these:
И различно подобранных слов,
His intimate friends called him «Candle-ends»,
И для тех, с кем дружил, он «Огарочком» был,
And his enemies «Toasted-cheese.»
Но «Огрызком» он был для врагов!

«His form is ungainly — his intellect small —»
«Он умом не богат и не складен собой, —
(So the Bellman would often remark)
Так говаривал Боцман в пути, —
«But his courage is perfect! And that, after all,
Но он смел, как обязан быть смелым любой,
Is the thing that one needs with a Snark.»
Кто решился на Снарка пойти!»

He would joke with hyenas, returning their stare
Он вниманье свирепых гиен привлекал
With an impudent wag of the head:
Беззастенчивым, дерзким кивком,
And he once went a walk, paw-in-paw, with a bear,
А однажды с медведем в обнимку гулял,
«Just to keep up its spirits,» he said.
Угощая его сахарком.

He came as a Baker: but owned, when too late —
Был как Булочник взят он (по просьбе родных),
And it drove the poor Bellman half-mad —
Но узнали поздней моряки,
He could only bake Bride-cake — for which, I may state,
Что готовит он только блины, а для них
No materials were to be had.
На борту не имелось муки.

The last of the crew needs especial remark,
И последний по списку. По правде сказать,
Though he looked an incredible dunce:
Он казался весьма туповат:
He had just one idea — but, that one being «Snark,»
Об одном только Снарке он мог размышлять
The good Bellman engaged him at once.
(И за это был принят в отряд).

He came as a Butcher: but gravely declared,
Браконьером на судно оформился он,
When the ship had been sailing a week,
Но признался позднее хвостец,
He could only kill Beavers. The Bellman looked scared,
Что стреляет он только бобров. Поражен
And was almost too frightened to speak:
И напуган был Боцман вконец.

But at length he explained, in a tremulous tone,
Он сказал, что приветствует эту черту
There was only one Beaver on board;
И не против разумной стрельбы —
And that was a tame one he had of his own,
Но ручной представитель Бобров на борту
Whose death would be deeply deplored.
Не достоин подобной судьбы.

The Beaver, who happened to hear the remark,
А несчастный ручной представитель Бобров
Protested, with tears in its eyes,
Заявил, что в охоте на Снарка
That not even the rapture of hunting the Snark
Ждать любой неприятности был он готов,
Could atone for that dismal surprise!
Но не ждал он такого подарка!

It strongly advised that the Butcher should be
Предложил он отдельный корабль нанять
Conveyed in a separate ship:
И на нем Браконьера везти,
But the Bellman declared that would never agree
Но отвечивал Боцман, что планы менять
With the plans he had made for the trip:
Он не станет во время пути.

Navigation was always a difficult art,
Не настолько он опытен в деле морском,
Though with only one ship and one bell:
Чтобы, дудкой владея едва
And he feared he must really decline, for his part,
И едва управляясь с одним кораблем,
Undertaking another as well.
Отвечать в то же время за два!

Что же делать **Бобру**? Убеждали его
Раздобыть поплотнее кольчугу;
А любезный **Банкир** ему, кроме того,
Предложил небольшую услугу:

Он **Бобру** посоветовал не без причин
Подписать договор страховой.
Даже два! — На предмет наводнения один,
И на случай пожара — другой.

И хотя был подписан такой договор,
Но с того злополучного дня
Браконьера всегда сторонился **Бобер**
И боялся его, как огня.

Fit the Second
Напасть вторая
The Bellman's Speech
Речь **Боцмана**

Боцман был их кумир — как изыщен он был!
В то же время как прост и как смел,
Как серьезен, а главное, как он умен!
Как блестяще он мыслить умен!

Что за карту принес он на борт корабля!
Восхищалась команда не зря —
Где на картах обычных земля и моря,
Здесь одни только были моря.

Там они не узрели ни одной параллели —
«Ни к чему это, — **Боцман** сказал, —
Козероги да раки — лишь условные знаки!»
И его экипаж поддержал.

«Где рисуют всегда острова, города —
Эти карты нам только во вред.
Так да здравствует **Боцман** — он карту принес нам,
Где ни точки, ни черточки нет!»

Это было прекрасно, но потом стало ясно:
Он считал (и должно быть, не в шутку),
Что не может быть трудным управление судном —
Надо только посвистывать в дудку.

Не вникал он нисколько в повороты штурвала,
Обожая приказы давать.
Вроде: «Право руля, влево нос корабля!»
Как прикажете это понять?!

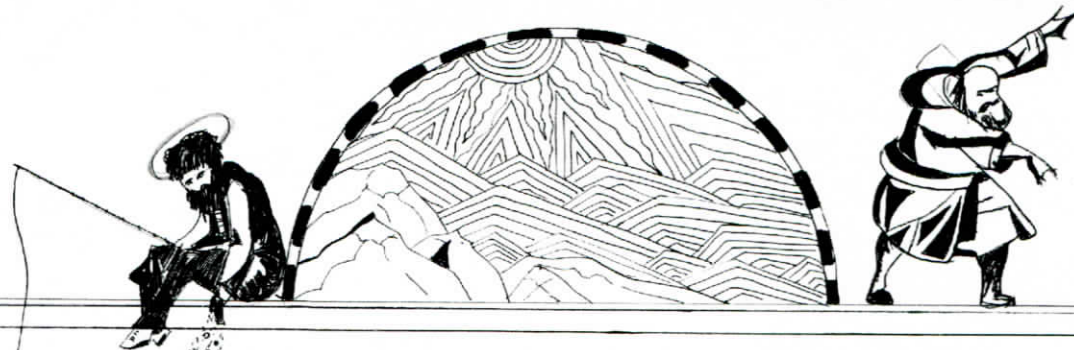
Иногда они плыли кормою вперед —
По свидетельству **Боцмана** — знак,
Что корабль-то себя «снаркогато» ведет, —
Вещь обычная в южных морях.

Его мудрые планы были попросту странны —
Бедный **Боцман** поверить не мог,
Что ошибся жестоко, и что ветер с востока
Не погонит корабль на восток.

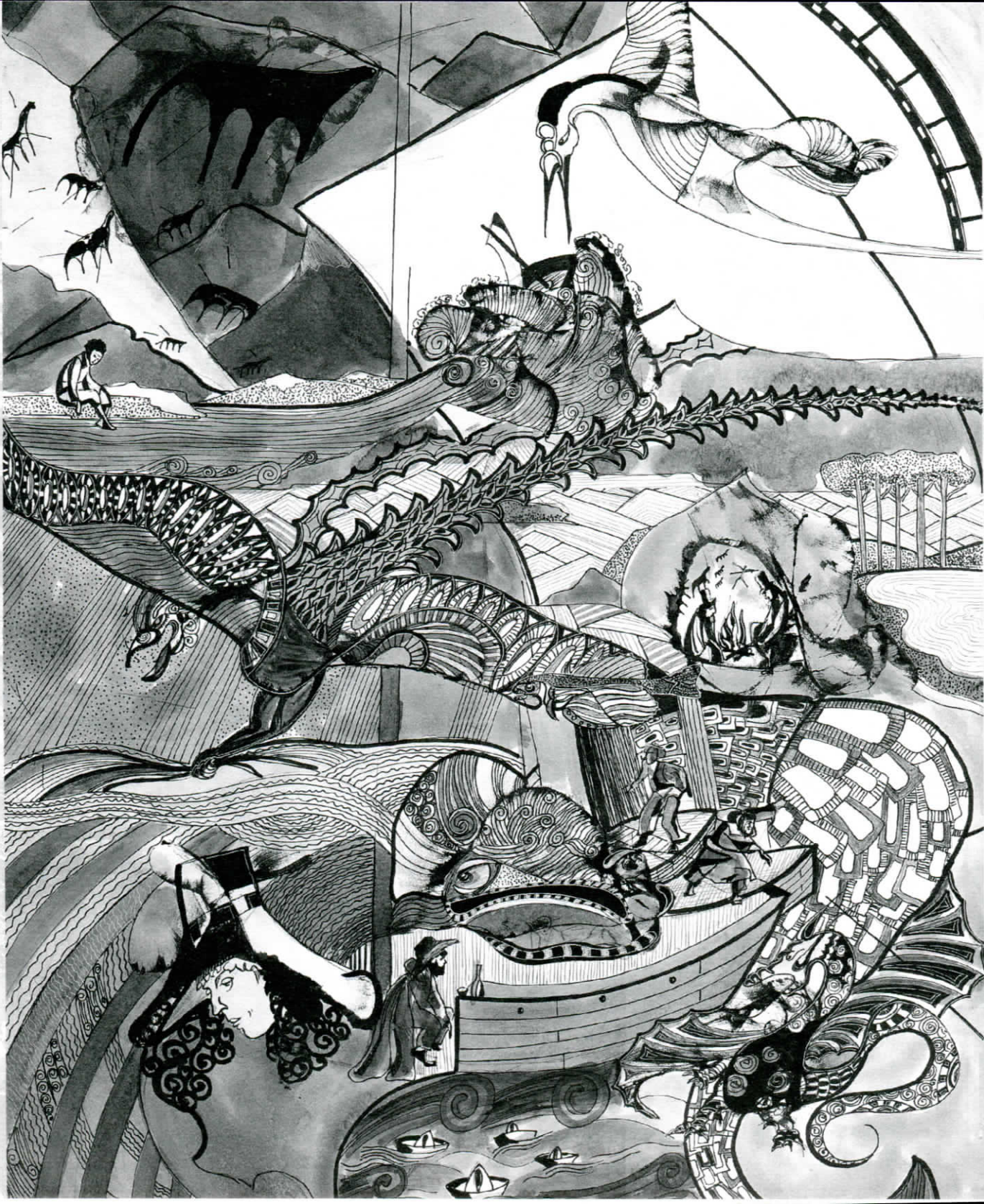
Много дней они шли и достигли земли;
Сундуки и узлы спасены,
Но узрел экипаж неприглядный пейзаж —
Всюду пропасти и валуны.

Для того, чтобы как-то утешить народ,
Боцман взял ободряющий тон:
Рассказал он им очень смешной анекдот,
Но услышал не хохот, а стон.

He served out some grog with a liberal hand,
Чтоб от мыслей унылых команду отвлечь,
And bade them sit down on the beach:
Налил им по стаканчику грога
And they could not but own that their Captain looked grand,
И велел им садиться и выслушать речь —
As he stood and delivered his speech.
Образец превосходного слога.

«Friends, Romans, and countrymen, lend me your ears!»
«О друзья мои римляне!» (Здесь он не смог
(They were all of them fond of quotations:
Удержаться от школьных цитат).
So they drank to his health, and they gave him three cheers,
Все воспрянули духом и выпили грог,
While he served out additional rations).
Прокричав перед этим: «Виват!»

«We have sailed many weeks, we have sailed many days,
«Плыли много мы месяцев, много недель
(Seven days to the week I allow),
(И в неделе семь дней насчитал),
But a Snark, on the which we might lovingly gaze.
Но ни тени от Снарка на глади морей
We have never beheld till now!
Наш кораблик пока не встречал.

«We have sailed many months, we have sailed many weeks,
.....
(Four weeks to the month you may mark),
.....
But never as yet ('tis your Captain who speaks)
.....
Have we caught the least glimpse of a Snark!
.....

«Come, listen, my men, while I tell you again
Други! Слушайте! Вам я пять признаков дам,
The five unmistakable marks
С характерными крайне чертами,
By which you may know, wheresoever you go,
Чтоб могли вы всегда распознать без труда,
The warranted genuine Snarks.
Настоящий ли Снарк перед вами.

«Let us take them in order. The first is the taste,
Первый признак: по виду он острый весьма,
Which is meagre and hollow, but crisp:
Словно гвоздик внутри башмака,
Like a coat that is rather too tight in the waist,
Но при этом особенно сводит с ума
With a flavour of Will-o-the-wisp.
Привкус птичьего молока.

«Its habit of getting up late you'll agree
Не имеет привычки он рано вставать
That it carries too far, when I say
(Это тоже одна из примет).
That it frequently breakfasts at five-o'clock tea,
Часто просит он к ужину завтрак подать,
And dines on the following day.
Оставляя на утро обед.

«The third is its slowness in taking a jest.
Чувства юмора Снарк совершенно лишен, —
Should you happen to venture on one,
Третий признак из этих пяти.
It will sigh like a thing that is deeply distressed:
Улыбнуться в ответ не подумает он,
And it always looks grave at a pun.
Как изысканно с ним не шути.

«The fourth is its fondness for bathing-machines,
Признак номер четыре: концертный рояль
Which is constantly carries about,
За собой он таскает всегда;
And believes that they add to the beauty of scenes —
Это пользу большую приносит едва ль,
A sentiment open to doubt.
Но зато никакого вреда.

«The fifth is ambition. It next will be right
Пятый признак — его честолюбье. Притом
To describe each particular batch:
Их легко по повадкам узнать,
Distinguishing those that have feathers, and bite,
Различают таких, что виляют хвостом,
From those that have whiskers, and scratch.
И таких что способны летать.

«For, although common Snarks do no manner of harm,
Сами Снарки безвредны, но в этих краях
Yet, I feel it my duty to say,
Среди них, как я часто слышал,
Some are Boojums — » The Bellman broke off in alarm,
Есть Бужумы», — но тут, при последних словах,
For the Baker had fainted away.
Без сознания Булочник пал.

Fit the Third
Напасть третья
The Baker's Tale
История Булочника

И загадку пытались ему загадать,
И горчицу носили в горсти,
И советы, и сливки пытались давать,
Чтобы в чувство его привести.

Он очнулся и молвил: «Поведаю вам
О себе, ничего не скрывая...»
«Замолчать! — крикнул Боцман тогда морякам, —
Я вам даже вопить запрещаю!»

И при крике таком стало тихо кругом.
Не орут, не галдят, не кричат.
И печальный рассказ он поведал тотчас
На манер допотопных балад.

«Были бедны, но честны отец мой и мать...»
«Пропусти это, — Боцман сказал, —
Солнце сядет, и Снарка уже не поймать!
Ты бы к делу скорей приступал!»

И услышал в ответ: «Пропущу сорок лет
И начну с того самого дня,
Когда, судно свое снаряжая в поход,
Вы на палубу взяли меня.

Милый дядюшка мой, расставаясь со мной,
Говорил мне в тот памятный час...»
«Пропусти его, — Боцман воскликнул в сердцах, —
Не затягивай слишком рассказ!»

«Говорил дядя так, — продолжал сей простак, —
Много ценного в подлинном Снарке.
Знатоки говорят, что кладется в салат
И способствует стирке и жарке.

И по солнцу ты можешь его разыскать,
И с наперстком в руках подстеречь,
И на склоне его, и на слове поймать,
Приманив на изящную речь».

«Этот способ охоты мне тоже знаком,
Я нередко слыхал про него! —
Вставил Боцман, — как правило, этим путем
Снарки ловятся лучше всего!»

«Но страшись и беги того часа, когда
Вместо Снарка ты встретишь Бужума!
Ты внезапно исчезнешь тогда без следа,
Без волнения, крика и шума.

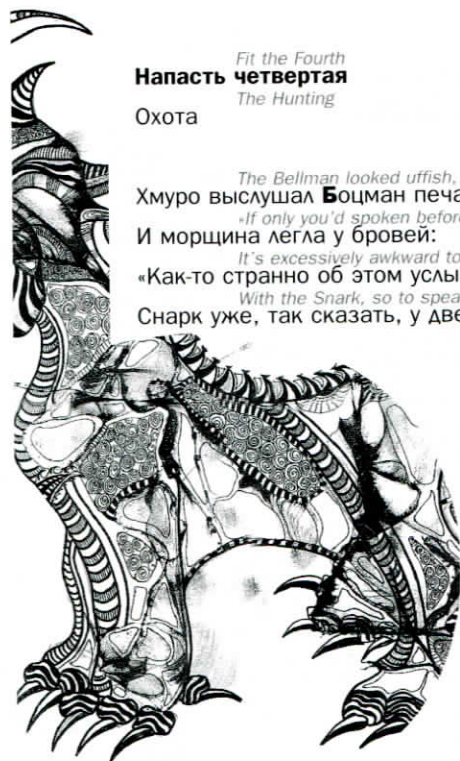
Этот образ меня и гнетет, и страшит,
Вспоминаю его — и лежу не дыша,
И, как в чашке кисель, мое сердце дрожит,
И, как студень, трясется душа!

Этот образ...» — «Довольно уже повторять!» —
Оборвал его Боцман. В ответ
Молвил Булочник: «Трижды я должен сказать!
Этот образ — причина всех бед!

Каждой ночью во сне он приходит ко мне
(Говорю я, конечно, Снарке),
И все ночи подряд он кладется в салат
И способствует стирке и жарке!

«But if ever I meet with a Boojum, that day,
Но однажды, я знаю, в неласковый час
In a moment (of this I am sure),
Доведется мне встретить Бужума —
I shall softly and suddenly vanish away —
Пропаду я тогда незаметно для вас
And the notion I cannot endure!
Без волнения, крика и шума...»

Fit the Fourth
Напасть четвертая
The Hunting
Охота

The Bellman looked uffish, and wrinkled his brow.
Хмуро выслушал Боцман печальный рассказ,
«If only you'd spoken before!
И морщина легла у бровей:
It's excessively awkward to mention it now,
«Как-то странно об этом услышать сейчас...
With the Snark, so to speak, at the door!
Снарк уже, так сказать, у дверей.

«We should all of us grieve, as you well may believe,
Нам с тобою, признаться, будет жалко расстаться,
If you never were met with again —
Если ты пропадешь без следа, —
But surely, my man, when the voyage began,
Но зачем ты тогда до отъезда сюда
You might have suggested it then?
Не сказал, что возможна беда?»

«It's excessively awkward to mention it now —
Как-то странно об этом услышать сейчас...
As I think I've already remarked.»
Отвечай же ты, Как тебя там!»
And the man they called «Hi!» replied, with a sigh,
Он ответил, вздохнув и рукою махнув:
«I informed you the day we embarked.
«Я пытался рассказывать вам!

«You may charge me with murder — or want of sense —
Обвиненье в убийстве принять я готов
(We are all of us weak at times);
Или в том, что на труса похож,
But the slightest approach to a false pretence
И, возможно, во множестве прочих грехов, —
Was never among my crimes!
Но за мною не числится ложь!

«I said it in Hebrew — I said it in Dutch —
И по-польски пытался я все рассказать,
I said it in German and Greek;
И по-гречески предостережь,
But I wholly forgot (and it vexes me much)
И по-древнееврейски, — но мог ли я знать,
That English is what you speak!
Что нужна здесь английская речь!»

«'Tis a pitiful tale,» said the Bellman, whose face
«Невеселого много в рассказе твоём, —
Had grown longer at every word:
Грустно Боцман в ответ произнес, —
«But, now that you've stated the whole of your case,
Но оставим дальнейшие споры о нем,
More debate would be simply absurd.
Мы вполне исчерпали вопрос.

«The rest of my speech» (he exclaimed to his men)
Завершить свою речь я успею в пути,
«You shall hear when I've leisure to speak it.
Когда будет свободное время, —
But the Snark is at hand, let me tell you again!
А сейчас мы обязаны Снарка найти —
'Tis your glorious duty to seek it!
Это наше священное время!»

«To seek it with thimbles, to seek it with care;
И по солнцу пытались его отыскать,
To pursue it with forks and hope;
И с наперстком в руках подстеречь,
To threaten its life with a railway-share;
И на склоне его, и на слове поймать,
To charm it with smiles and soap!
Приманив на изящную речь.

«For the Snark's a peculiar creature, that won't
Заурядные способы здесь не годны —
Be caught in a commonplace way.
Снарки просто на них не идут;
Do all that you know, and try all that you don't:
Все, на что вы горазды, вы сделать должны,
Not a chance must be wasted to-day!
Все, что можно, испытайте тут!

«For England expects — I forbear to proceed:
А теперь снаряжайтесь надежно в поход,
'Tis a maxim tremendous, but trite:
Чтоб с победой вернуться назад.
And you'd best be unpacking the things that you need
Как говаривал Нельсон: «Британия ждет!»
To rig yourselves out for the fight.»
Впрочем, хватит известных цитат!»

Then the Banker endorsed a blank cheque (which he crossed),
 Закипела работа: разменял на банкноты
 And changed his loose silver for notes:
 Свои мелкие деньги Банкир;
 The Baker with care combed his whiskers and hair,
 Брадобрей для похода мастерил бутерброды,
 And shook the dust out of his coats:
 Бакалавру доверили сыр,

«Be a man!» cried the Bellman in wrath, as he heard
 Тихо Боцман тогда Браконьеру сказал:
 The Butcher beginning to sob.
 «Вытри слезы и будь посильней,
 «Should we meet with a Jubjub, that desperate bird,
 Если встретим мы птицу Джаб-Джаб среди скал,
 We shall need all our strength for the job!»
 Нелегко будет справиться с ней!»

The Boots and the Broker were sharpening a spade —
 Толстый Булочник баки свои причесал,
 Each working the grindstone in turn;
 Что нечасто проделывал он;
 But the Beaver went on making lace, and displayed
 А Бобер преспокойно сидел и вязал, —
 No interest in the concern:
 Этим Барристер был возмущен.

Fit the Fifth
 Напасть пятая
 The Beaver's Lesson
 Просвещение Бобра

Though the Barrister tried to appeal to its pride,
 Объяснил он Бобру, что едва ли к добру
 And vainly proceeded to cite
 Может следовать это вязанье!
 A number of cases, in which making laces
 За которое суд, окажись бы он тут,
 Had been proved an infringement of right.
 Непременно бы дал наказание!

They sought it with thimbles, they sought it with care;
 И по солнцу пытались его отыскать,
 They pursued it with forks and hope;
 И с наперстком в руках подстеречь,
 They threatened its life with a railway-share;
 И на склоне его, и на слове поймать,
 They charmed it with smiles and soap.
 Приманив на изящную речь...

The maker of Bonnets ferociously planned
 Банкомет припасенным в кармане мелком
 A novel arrangement of bows:
 Расчертил свой зеленый сюртук,
 While the Billiard-marker with quivering hand
 А взволнованный Брючник ходил с утюгом
 Was chalking the tip of his nose.
 И разглаживал стрелки у брюк.

Then the Butcher contrived an ingenious plan
 Браконьер попросился в разведку пойти
 For making a separate sally;
 Среди жутких и сумрачных скал,
 And had fixed on a spot unfrequented by man,
 И маршрут предложил по такому пути,
 A dismal and desolate valley.
 Где никто до сих пор не бывал.

But the Butcher turned nervous, and dressed himself fine,
 Браконьер пристегнул кружевной воротник
 With yellow kid gloves and a ruff —
 И добыл элегантный лорнет,
 Said he felt it exactly like going to dine,
 Говоря, что привык на работу ходить
 Which the Bellman declared was all «stuff.»
 Только будучи модно одет.

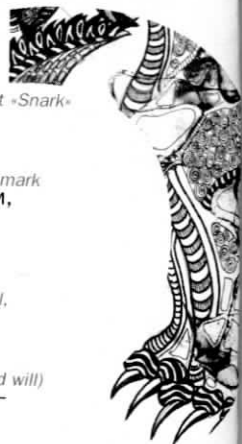
«Introduce me, now there's a good fellow,» he said,
 «Перед Снарком, — сказал он, — я шляпу сниму,
 «If we happen to meet it together!»
 Если мы его встретим в походе!»
 And the Bellman, sagaciously nodding his head,
 И задумчиво Боцман ответил ему:
 Said «That must depend on the weather.»
 «Не надейся при этой погоде!»

The Beaver went simply galumphing about,
 Увидав Браконьера смущенным, Бобер
 At seeing the Butcher so shy:
 Наконец восхотелся чуть-чуть;
 And even the Baker, though stupid and stout,
 Даже Булочник, слыша такой разговор,
 Made an effort to wink with one eye.
 Попытался слегка подмигнуть;

But the very same plan to the Beaver occurred:
 Также вылазку сделать решился Бобер,
 It had chosen the very same place:
 Тот же самый наметил он путь,
 Yet neither betrayed, by a sign or a word,
 И хоть рядом шагал нежеланный партнер,
 The disgust that appeared in his face.
 Не подумал он даже свернуть.

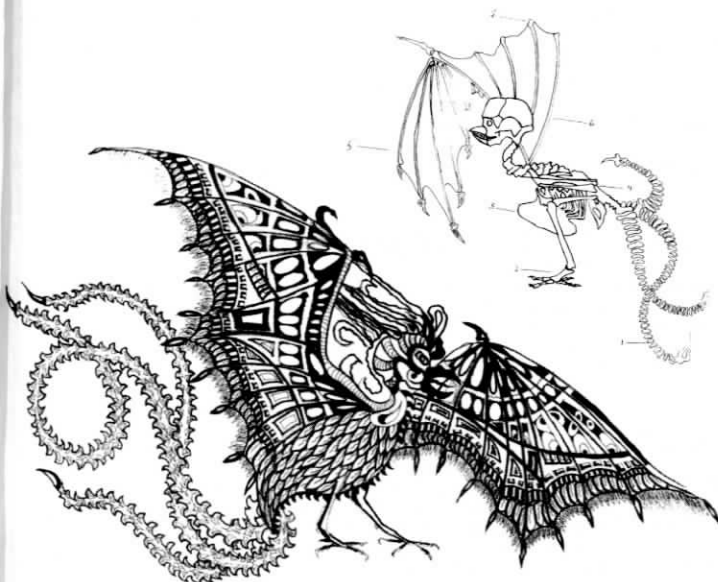
Each thought he was thinking of nothing but «Snark»
 Каждый думать старался о долге своем,
 And the glorious work of the day;
 О грядущей великой борьбе.
 And each tried to pretend that he did not remark
 Из противников, шедших в разведку вдвоем,
 That the other was going that way.
 Каждый шествовал сам по себе.

But the valley grew narrow and narrower still,
 Но ущелье кругом все тесней и тесней,
 And the evening got darker and colder,
 И они в этом месте одни.
 Till (merely from nervousness, not from good will)
 Не от доброго сердца — от страха скорей —
 They marched along shoulder to shoulder.
 Прижимались друг к другу они.

Then a scream, shrill and high, rent the shuddering sky,
 Страшный звук раздался, содрогнув небеса,
 And they knew that some danger was near:
 Невывало пронзительный вой, —
 The Beaver turned pale to the tip of its tail,
 И несчастный Бобер, позабыв про раздор,
 And even the Butcher felt queer.
 Так и стал, где стоял, чуть живой;

He thought of his childhood, left far far behind —
 Браконьер, испытав на мгновение страх,
 That blissful and innocent state —
 Вспомнить детство при этом успел:
 The sound so exactly recalled to his mind
 Словно грифель на черной доске, в небесах
 A pencil that squeaks on a slate!
 Тот пронзительный голос скрипел.

«'Tis the voice of the Jubjub!» he suddenly cried.
 «Это птица Джаб-Джаб! — осенило его
 (This man, that they used to call «Dunce.»)
 (Был не так уж он глуп, вероятно), —
 «As the Bellman would tell you,» he added with pride,
 Но сказать один раз — не сказать ничего,
 «I have uttered that sentiment once.
 Должен я говорить троекратно!

«'Tis the note of the Jubjub! Keep count, I entreat;
 Это птица Джаб-Джаб! побыстрее считай,
 You will find I have told it you twice.
 Это я уже дважды сказал!
 'Tis the song of the Jubjub! The proof is complete,
 Это птица Джаб-Джаб! А теперь отвечай,
 If only I've stated it thrice.
 Сколько возгласов ты насчитал?»

The Beaver had counted with scrupulous care,
 Но Бобер, от хвоста и до кончиков лап
 Attending to every word:
 Став от ужаса белым, как мел,
 But it fairly lost heart, and outgrate in despair,
 Так напуган был страшною птицей Джаб-Джаб,
 When the third repetition occurred.
 Что до трех сосчитать не сумел.

It felt that, in spite of all possible pains,
 И хотя он усердно до двух сосчитал,
 It had somehow contrived to lose count.
 Но продвинуться дальше не смог,
 And the only thing now was to rack its poor brains
 И теперь он уже абсолютно не знал,
 By reckoning up the amount.
 Как возможно исчислить итог.

«Two added to one — if that could but be done,»
 Он сказал чуть не плача: «Непростая задача!
 It said, «with one's fingers and thumbs!»
 Это вряд ли удастся кому!
 Recollecting with tears how, in earlier years,
 Это дьявольски сложно и вообще невозможно —
 It had taken no pains with its sums.
 Приплюсовывать два к одному!»

«The thing can be done,» said the Butcher, «I think.
 «Это сделать возможно! — сказал Браконьер, —
 The thing must be done, I am sure.
 Это сделать нетрудно, пойми!
 The thing shall be done! Bring me paper and ink,
 Это сделать удастся. Простейший пример —
 The best there is time to procure.»
 Разрешим его запросто мы!»

The Beaver brought paper, portfolio, pens,
 Притащил Браконьеру бумаги Бобер,
 And ink in unfailing supplies:
 И чернила в бутылках больших,
 While strange creepy creatures came out of their dens,
 И повывели разные твари из нор,
 And watched them with wondering eyes.
 С любопытством взирая на них.

So engrossed was the Butcher, he heeded them not,
 Браконьер их не видел. Он был поглощен,
 As he wrote with a pen in each hand,
 В руку каждую взяв по перу,
 And explained all the while in a popular style
 Объяснил он пример свой простым языком,
 Which the Beaver could well understand.
 Чтобы было понятно Бобру.

«Taking Three as the subject to reason about —
 «Если тройку за цифру исходную взять, —
 A convenient number to state —
 Что мы сделаем с нею, — смотри:
 We add Seven, and Ten, and then multiply out
 Умножаем, прибавивши десять и пять,
 By One Thousand diminished by Eight.
 На пятьсот, минус восемь три!

«The result we proceed to divide, as you see,
Разделив на четыреста семьдесят шесть
By Nine Hundred and Ninety Two:
(В чем, конечно, сомнения нет),
Then subtract Seventeen, and the answer must be
Отнимаем пятнадцать, и выкладка есть,
Exactly and perfectly true,
Получаем исходный ответ.

«The method employed I would gladly explain,
Объяснить тебе смысл расчета всего
While I have it so clear in my head,
Я в любую минуту готов,
If I had but the time and you had but the brain —
Но боюсь, что глубинная сущность его
But much yet remains to be said,
Не дойдет до бобриных мозгов.

«In one moment I've seen what has hitherto been
Я увидел сейчас то, что прежде от нас
Enveloped in absolute mystery,
Было скрыто крошечною тьмой,
And without extra charge I will give you at large
И могу теперь я, суть познав бытия,
A Lesson in Natural History.»
Дать урок по проблеме любой.»

In his genial way he proceeded to say
Так могла его речь нескончаемо течь —
(Forgetting all laws of propriety,
Он неопытен был и не знал,
And that giving instruction, without introduction,
Что без предупреждения эти нововведения
Would have caused quite a thrill in Society),
Могут в обществе вызвать скандал.

«As to temper the Jubjub's a desperate bird,
«Знай, что птица Джаб-Джаб не настолько страшна,
Since it lives in perpetual passion;
Это дивное чудо природы:
Its taste in costume is entirely absurd —
Всюду будучи первой, в костюмах она
It is ages ahead of the fashion;
Соблюдает последние моды.

«But it knows any friend it has met once before;
Но зато она в свете имеет успех,
It never will look at a bribe:
Никогда она в долг не берет,
And in charity-meetings it stands at the door,
Умоляет на бедность пожертвовать всех,
And collects — though it does not subscribe.
Между тем как сама не дает.

«Its flavour when cooked is more exquisite far
У нее, несомненно, изысканный вкус,
Than mutton, or oysters, or eggs:
Что нечасто бывает у птиц —
(Some think it keeps best in an ivory jar,
Он намного вкуснее, чем яблочный мусс,
And some, in mahogany kegs:)
Но не хуже куриных яиц.

«You boil it in sawdust: you salt it in glue:
И в чернила ты можешь ее окунуть,
You condense it with locusts and tape:
И с червями поставить вариться,
Still keeping one principal object in view —
Но при всем этом форма ее — не забудь! —
To preserve its symmetrical shape.»
Симметричной должна сохраниться.»

The Butcher would gladly have talked till next day,
Он готов был вести разговор до утра,
But he felt that the lesson must end,
Но, охваченный чувством большим,
And he wept with delight in attempting to say
Зарыдал он, и, к сердцу припавши Бобра,
He considered the Beaver his friend:
Он назвал его другом своим!

While the Beaver confessed, with affectionate looks
И сияющий взор благодарный Бобер
More eloquent even than tears,
Подарил Браконьеру в ответ:
It had learned in ten minutes far more than all books
В пять минут он постиг то, о чем бы из книг
Would have taught it in seventy years.
Не узнал бы за семьдесят лет!

They returned hand-in-hand, and the Bellman, unmanned
Возвратились обратно в обнимку они,
(For a moment) with noble emotion,
В изумление всех привели.
Said «This amply repays all the wearisome days
Молвил Бецман: «С лихвой окупилась те дни,
We have spent on the billowy ocean!»
Что в бушующем море прошли!»

Such friends, as the Beaver and Butcher became,
И едва ли чья дружба была так верна,
Have seldom if ever been known;
Как союз Браконьера с Бобром —
In winter or summer, 'twas always the same —
Увядала ли осень, цвела ли весна, —
You could never meet either alone.
Вы встречали их только вдвоем.

And when quarrels arose — as one frequently finds
А случалось возникнуть раздорам пустым —
Quarrels will, spite of every endeavour —
Кто же в дружбе раздора избег? —
The song of the Jubjub recurred to their minds,
Песня птицы Джаб-Джаб тут же слышалась им,
And cemented their friendship for ever!
И скрепляла их дружбу навек.

Fit the Sixth
Напасть шестая
The Barrister's Dream
Сон Барристера

И по солнцу пытались его отыскать,
They sought it with thimbles, they sought it with care;
И с наперстком в руках подстеречь,
They pursued it with forks and hope;
И на склоне его, и на слове поймать,
They threatened its life with a railway-share;
Приманив на изящную речь...
They charmed it with smiles and soap.

Важный Барристер скоро совсем изнемог:
But the Barrister, weary of proving in vain
Непослушным Бобром утомлен,
That the Beaver's lace-making was wrong,
Бросил спор о вязании он и приеж,
Fell asleep, and in dreams saw the creature quite plain
И увидел чудеснейший сон.
That his fancy had dwelt on so long.

И во сне позабыл он заботы свои,
He dreamed that he stood in a shadowy Court,
Вожделенного Снарка узрев,
Where the Snark, with a glass in its eye,
Он в суде выступал адвокатом свињи,
Dressed in gown, bands, and wig, was defending a pig
Самовольно покинувшей хлев.
On the charge of deserting its sty.

The Witnesses proved, without error or flaw,
That the sty was deserted when found;
And the Judge kept explaining the state of the law
In a soft under-current of sound.

The indictment had never been clearly expressed,
And it seemed that the Snark had begun,
And had spoken three hours, before any one guessed
What the pig was supposed to have done.

The Jury had each formed a different view
(Long before the indictment was read),
And they all spoke at once, so that none of them knew
One word that the others had said.

«You must know — said the Judge: but the Snark exclaimed «Fudge!»
И судья произнес: «Возникает вопрос...»
That statute is obsolete quite!
Но прервал его Снарк: «Ерунда!
Let me tell you, my friends, the whole question depends
Устаревшие главы феодального права
On an ancient manorial right.
Неприемлемы здесь, господа!

«In the matter of Treason the pig would appear
Если мы обвиненье предъявим в Измене,
To have aided, but scarcely abetted:
То Банкротства могло и не быть,
While the charge of Insolvency fails, it is clear,
Но клиент мой не мог и Подкоп, и Подлог
If you grant the plea 'never indebted.'
Одновременно осуществить!

«The fact of Desertion I will not dispute;
А поскольку свидетели были правы,
But its guilt, as I trust, is removed
А на тяжбу расходы нужны, —
(So far as relates to the costs of this suit)
Самый факт покидания хлева, увы,
By the Alibi which has been proved.
Не является фактом вины!

«My poor client's fate now depends on your votes.»
Вам на суд подзащитного я отдаю!»
Here the speaker sat down in his place,
Так закончил он свой монолог
And directed the Judge to refer to his notes
И добавил, садясь: «Я просил бы судью
And briefly to sum up the case.
Подвести обсуждению итог».

But the Judge said he never had summed up before:
Но судья не решался итог подвести,
So the Snark undertook it instead,
Не имея достаточно сил,
And summed it so well that it came to far more
И пришлось положение Снарку спасти:
Than the Witnesses ever had said!
Он блестяще судью заменил.

When the verdict was called for, the Jury declined,
А когда, наконец, до вердикта дошло,
As the word was so puzzling to spell;
Снарк обязан был выступить снова, —
But they ventured to hope that the Snark wouldn't mind
Оказалось присяжным весьма тяжело
Undertaking that duty as well.
Отыскать подходящее слово!

So the Snark found the verdict, although, as it owned,
Снарк достаточно был с этим делом знаком
It was spent with the toils of the day:
И с вердиктом он медлить не стал.
When it said the word «GUILTY!» the Jury all groaned,
Произнес он: «Виновна!» — при слове таком
And some of them fainted away.
Содрогнулся испуганно зал.

И судья, от волнения еле живой,
Умоляюще руки простер —
И опять-таки Снарк в тишине гробовой
За судью прочитал приговор.

«Transportation for life» was the sentence it gave,
Так он выглядел: «Смертная казнь, а затем —
Штраф в размере полсотни гиней».
Зал зарукопескал, но внезапно прервал
Ликованье смотритель зверей.

Он, рыдая, сказал, что означенный штраф
(С непременною казнью сперва)
Представляет собой ущемление прав, —
Ведь свинья уже будет мертва.

Вышел вон из суда возмущенный судья.
А растерянный Снарк закричал:
«Дудки, — дудки, еще чтоб когда-нибудь я
Вам кого-то в суде защищал!»

«Дудки!» — слышался крик, он в сознание проник,
Не давая поспать ни минутки,
И дремавший юрист пробудился под свист
Надоедливой боцманской дудки.

Напасть седьмая Судьба Банкира

И по солнцу пытались его отыскать,
И с наперстком в руках подстеречь,
И на склоне его, и на слове поймать,
Приманив на изрядную речь...

И Банкир, невеселый минуту назад,
Вдруг почуял отваги прилив
И внезапно рванулся вперед наугад,
Всю компанию опередив.

И пока поджидал он с наперстком в руках,
На него наскочил Брандашмыг,
И схватил, и несчастный почувствовал страх,
Осознал положение вмиг.

Как обычно, решился он чек предложить
(На изрядную сумму) тому,
Кто предпринял попытку его проглотить, —
Брандашмыг не ответил ему.

Он визжал и бежал от свирепственных жвал,
Он кричал и вертелся волчком,
Как безумный, скакал и петлял он, пока
Не свалился на землю ничком.

Все сбежались на крик, и удрал Брандашмыг,
Этот хищник злопастный и жуткий.
Боцман тихо вздохнул, на Банкира взглянул
И махнул бесполезно дудкой.

С почерневшим лицом — столь велик был испуг —
Он лежал и дышал еле-еле;
Любопытная вещь: и жилет, и сюртук
От испуга на нем побелели!

Поднялся он в вечернем костюме с земли,
Сел на стул, погремушкой потряс:
Все вокруг в изумленье и ужас пришли
От его необычных гримас.

Down he sank in a chair — ran his hands through his hair —
 Он бессмыслицу нес и, царапая нос,
 And chanted in mimsiest tones
 Повторял он лишенную слов
 Words whose utter inanity proved his insanity,
 Музыкальную фразу — окружающим сразу
 While he rattled a couple of bones.
 Стало ясно, что он нездоров.

«Leave him here to his fate — it is getting so late!»
 Крикнул Бецман: «Довольно! Как бы ни было больно,
 The Bellman exclaimed in a fright.
 Мы не сможем бедняге помочь!
 «We have lost half the day. Any further delay,
 Вечер будет недлинным. Надо Снарка найти нам
 And we sha'n't catch a Snark before night!»
 До того, как опустится ночь!»

Fit the Eighth
Напасть восьмая
 The Vanishing
 Пропажа

They sought it with thimbles, they sought it with care;
 И по солнцу пытались его отыскать,
 They pursued it with forks and hope;
 И с наперстком в руках подстеречь,
 They threatened its life with a railway-share;
 И на склоне его, и на слове поймать,
 They charmed it with smiles and soap.
 Приманив на изящную речь.

They shuddered to think that the chase might fail,
 Но при мысли, что может не сбыться мечта,
 And the Beaver, excited at last,
 Пробирал их все чаще испуг.
 Went bounding along on the tip of its tail,
 И Бобер, поднимаясь на кончик хвоста,
 For the daylight was nearly past.
 Озирался все чаще вокруг.

«There is Thingumbob shouting!» the Bellman said,
 Вдруг послышался крик: «Это Как-тебя-там!
 «He is shouting like mad, only hark!
 Вот он скачет, как дикий козел!»
 He is waving his hands, he is wagging his head,
 Молвил Бецман: «Смотрите, как машет он нам!
 He has certainly found a Snark!»
 Он, конечно же, Снарка нашел!»

They gazed in delight, while the Butcher exclaimed
 Браконьер произнес: «Я такого не ждал!
 «He was always a desperate wag!»
 А ведь мы на него были злы!
 They beheld him — their Baker — their hero unnamed —
 Где же Булочник, где он?» Отважный стоял
 On the top of a neighbouring crag.
 На вершине соседней скалы.

Erect and sublime, for one moment of time.
 Был недвижим и прям он, но внезапно воспрянул,
 In the next, that wild figure they saw
 И метнулся, и сжался в комок,
 (As if stung by a spasm) plunge into a chasm,
 Все смотрели со страхом, как в ущелье с размаху
 While they waited and listened in awe.
 Он направил смертельный прыжок!

«It's a Snark!» was the sound that first came to their ears,
 «Это Снарк!» — донеслось до них имя, что всех
 And seemed almost too good to be true.
 Вдохновляло в тот день на борьбу.
 Then followed a torrent of laughter and cheers:
 Вслед за тем раздался неожиданный смех,
 Then the ominous words «It's a Boo»
 А за этим зловещее «Бу!..»

Then, silence. Some fancied they heard in the air
 Тишина. И едва ли могли быть правы
 A weary and wandering sigh
 (Здесь возможны ошибки слегка)
 That sounded like «jum!» but the others declare
 Услышавшие «джум!» в шелестенье травы
 It was only a breeze that went by.
 Или, может быть, в скрипе песка.

They hunted till darkness came on, but they found
 И они до заката искали толпой,
 Not a button, or feather, or mark,
 Но следа не нашли никакого
 By which they could tell that they stood on the ground
 На земле, где исчез безымянный герой,
 Where the Baker had met with the Snark.
 Где прервал он последнее слово.

In the midst of the word he was trying to say,
 Он с восторженным смехом пропал без следа,
 In the midst of his laughter and glee,
 Без волнения, крика и шума —
 He had softly and suddenly vanished away —
 Ибо он повстречался со Снарком тогда, —
 For the Snark 'was' a Boojum, you see.
 Ну а Снарк оказался Буджумом.

Буджум

Буджум

